

О.Б. ВАРЕНЦОВА

ПОСТМАРКСИСТСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ЛЕВЫЙ ПОПУЛИЗМ

В 1955 г. в Милане на международной конференции «Будущее свободы», где представители разных идеологических групп – от социалистов и либералов до правых консерваторов – обсуждали пути развития свободного общества, экономист Фридрих фон Хайек был среди немногих, кто продолжал отстаивать значимость классовых размежеваний для оценки политического момента. Большинство участников, как вспоминал Сеймур Мартин Липсет, отмечали тенденцию к угасанию классовых конфликтов и прогнозировали «конец идеологии» [Lipset, 1960].

Работы о «конце идеологии», написанные в 60–70-х годах, в известной мере способствовали возникновению новой политической теории – постмарксизма. Его представители – Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф – утверждали, что левым, для того чтобы сохранить политическую идентичность в период деидеологизации общества, необходимо переформулировать свою стратегию как задачу *радикализации демократии*, освободившись тем самым от принципа классового детерминизма. В книге «Гегемония и социалистическая стратегия» (1985) эти авторы призывали левых признать, что в изменившихся обстоятельствах субъектом политики (гегемоном) должен выступать не отдельный социальный класс (пролетариат), которому предписана роль «универсального исторического агента», а любая социальная группа (народный фронт), способная артикулировать требования разных освободительных движений (антирасистского, экологического, феминистского и др.). В зависимости от этого должна была измениться и повестка левых:

помимо вопросов о справедливом распределении материальных благ и усилении роли государства в экономике, в нее следовало включить вопросы о толерантности, правах женщин, защите окружающей среды и политической репрезентации сексуальных меньшинств.

Поскольку классическая либеральная теория распространяет принцип равенства только на публичную сферу, а в частной предоставляет гражданам свободу быть неравными (т.е. постулирует равные политические и гражданские права при неравном доступе к «приоритетным благам» в понимании Роулса – экономическим ресурсам и возможностям) и, таким образом, ограничивает область *политического*, то задача *радикальной демократии* (или демократической революции), с точки зрения Лаклау и Муфф, – политизировать те социальные отношения, которые относятся к частной сфере, и, таким образом, расширить границы *политического*. По мнению постмарксистов, не может быть плюралистической политической системы без антагонизма, поскольку стремление к консенсусу подавляет инакомыслие. Соответственно, *радикальная демократия* должна не только регулировать и разрешать конфликты в публичной сфере, но также определять, политизировать и разрешать конфликты в частной сфере, в результате чего маргинальные социальные силы должны получить политическое представительство.

Концепт радикальной демократии, предложенный постмарксистами, безусловно, представляет собой «идеальный тип» (по Веберу). В действительности политико-идеологические проекты, направленные на *радикализацию демократии* (например, левопопулистский режим Уго Чавеса в Венесуэле), стремятся разрешить лишь классовые противоречия, оставляя без внимания другие потенциальные конфликты в частной сфере. «Гиперполитизация социальных отношений» [Panizza, 2009, p. 41] в Венесуэле в период президентства Уго Чавеса (1999–2013) привела лишь к росту классовой борьбы [Heath, 2009], что отнюдь не способствовало развитию плюрализма в венесуэльском обществе. Наоборот, как показывает Корралес, вследствие высокого уровня идеологически обусловленной политической поляризации в стране наблюдался постоянный рост числа абстенционистов (*neither / nor*), которых оттолкнул как левый радикализм Чавеса, так и правый радикализм оппозиции [Corrales, 2011, p. 81]. По данным Смилда, до 2011 г. абстенционисты составляли от трети до половины от общего числа избирателей [Smilde, 2011, p. 11].

Критика классического марксизма

В предисловии к испаноязычному изданию «Гегемонии и социалистической стратегии» Лаклау и Муфф отмечают, что распространение новых социальных движений в развивающихся странах невозможно описать с помощью классических марксистских категорий [Laclau, Mouffe, 2010, p. 22]. Там, где большинство населения занято в неформальном секторе экономики, т.е. выпадает из процесса производственных отношений, не имеет смысла говорить о классовой борьбе. В интервью 1999 г. Лаклау признавался: «Когда вы сталкиваетесь с ситуацией социальной маргинализации, идея экономического интереса, зависящего от места в системе производственных отношений, попросту не работает» [Worsham, Olson, 1999, p. 8]. Там, где в теории должны действовать «объективные законы», на самом деле происходят более глубокие социальные процессы, подчиненные логике «гегемонии». Как подчеркивает Борон, «гегемония» – это основной теоретический концепт, позволяющий Лаклау и Муфф осуществить переход от марксизма к постмарксизму [Boron, 2000, p. 48].

Понятие гегемонии, пишут Лаклау и Муфф, впервые возникло в дискурсе российских социал-демократов в середине 80-х годов XIX в. и подразумевало практику ведения классовой борьбы в условиях отсталости царской России [Laclau, Mouffe, 2010]. По мысли Плеханова (которая затем была подхвачена Лениным), из-за слабости и непоследовательности зарождавшейся буржуазии российский пролетариат должен был сам возглавить буржуазную революцию против царизма, т.е. принять на себя не свойственную ему роль, включив в свою повестку требования других классов. Чтобы описать природу этого политического действия в категориях «высокого уровня абстракции» [Sartori, 1970], Лаклау и Муфф вынуждены для начала остановиться на вопросе о структуре общества.

С точки зрения Лаклау и Муфф, социум – это открытая, незавершенная структура, поддающаяся давлению извне и видоизменяющаяся под воздействием внешних сил. Опираясь на теорию языка Соссюра [Saussure, 1983], авторы «Гегемонии и социалистической стратегии» представляют общество как смысловое поле (дискурс), где идет постоянная борьба двух противоположных сил: «логики различия» (*logic of difference*) и «логики эквивалентности» (*logic of equivalence*). Таким образом, социум мыслится как лака-

новский «невозможный, но необходимый объект»: «Общество невозможно постольку, поскольку непреодолимо в конечном счете противоречие между эквивалентностью и различием; и необходимо постольку, поскольку есть запрос на любого рода завершенность (пусть и нестабильную), без которой не было бы ни смысла, ни идентичности» [Laclau, 2005, p. 94].

Как и материя у Аристотеля, общество, в понимании Лаклау и Муффа, – это всего лишь возможность, т.е. ничто без *конститутивной логики антагонизма*. Только при условии существования фронта, ограничивающего внутреннее от внешнего (инородного), разнородные частицы в открытой, незавершенной системе имеют возможность осознать себя как нечно целое (не-инородное) и образовывать так называемую «цепочку эквивалентности». Критикуя «априористские» концепции общества, Лаклау и Муфф стремятся показать, что политические конфликты возникают случайно и также случайно формируются политические идентичности. Таким образом, политика немыслима без действия логики «контингентности» и антагонизма. Здесь Лаклау и Муфф следуют за Шмиттом, который понимал под *политическим* «реальную возможность борьбы» [Schmitt, 1996].

Фундаментом «цепочки эквивалентности» выступает «пустое означающее» (*empty signifier*) – образ, лишенный внятного содержания. В качестве конкретного примера такой цепочки в книге «О популистском разуме» рассматривается набор политических требований, не удовлетворенных в индивидуальном порядке [Laclau, 2005]. Чтобы стать массовыми, эти требования должны, что называется, быть сведены к общему знаменателю («пустому означающему»). Чем шире «цепочка эквивалентности», тем более общим и бессодержательным будет «пустое означающее». Так, например, в октябре 1917 г. все политические требования в России можно было свести к лозунгу «Мир! Земля! Хлеб!», который представлял собой минимальную программу действий для самых разных категорий граждан, но воспринимался ими по-разному. Со временем «пустое означающее» вырабатывает свой ресурс, и «цепочка эквивалентности» распадается.

По мысли Лаклау и Муффа, гегемония – это такая политическая практика, при которой «цепочка эквивалентности» стремится навязать свое содержание социуму как наиболее легитимное. Чтобы детально разобрать это понятие, Лаклау в интервью 1999 г. предлагает подняться на следующую ступень «лестницы абстрак-

ции» и рассматривать гегемонию как диалектику *онтического* и *онтологического*¹ [Worsham, Olson, 1999, p. 7]. На этом уровне гегемония мыслится как стремление *онтического* (частного) занять место *онтологического* (универсального). В качестве примера здесь рассматривается термин Томаса Гоббса «порядок», лишенный, по мысли Лаклау, *онтического* содержания: в ситуации хаоса, «войны всех против всех» народ требует не определенных мер по наведению порядка, а, скорее, реализации самой функции наведения порядка (антихаоса). В случае, если для преодоления хаоса предлагается определенная программа действий (*онтическое* содержание), подразумевается, что данная программа как нечто временное и конкретное «гегемонизирует» *онтологическую* (универсальную) функцию наведения порядка.

Таким образом, гегемония подразумевает универсализацию политической борьбы отдельной социальной группы. «Без гегемонии, – пишут Лаклау и Муфф, – не может состояться ни одна революция» [Laclau, Mouffe, 2010, p. 89]. Поэтому основная задача левых – выйти из своего классового гетто и, объединившись с многочисленными освободительными движениями, сформировать широкую народную коалицию. При этом созданное объединение не должно быть иерархической структурой, иначе новая социалистическая стратегия снова превратится в игру с нулевой суммой. Здесь важно учитывать ключевое для Лаклау и Муфф противопоставление *авторитарной* и *демократической* практики гегемонии: если первая подразумевает доминирование гегемона над другими социальными силами, то вторая – отношения равенства между ними. В основе проекта *радикализации демократии* должна лежать *демократическая* практика гегемонии: отношения равенства между членами народного фронта означают, что каждая социальная сила сохраняет свою автономию и при желании может действовать самостоятельно [Laclau, Mouffe, 2010, p. 230].

Левый популизм

Британский исследователь Л. Марч понимает под *левым популизмом* «тонкую идеологию», в основе которой лежит представ-

¹ Диалектика онтического и онтологического – основная тема работы М. Хайдеггера «Бытие и время» [Хайдеггер, 2005].

ление классического популизма об антагонизме между народом и элитой, а также социалистическая идея эгалитаризма [March, 2007]. Таким образом, левый популизм, с одной стороны, апеллирует к кроссклассовой мобилизационной парадигме, а с другой – подразумевает призыв к классовой борьбе. Отталкиваясь от этой концепции, мы будем рассматривать «боливарианскую идеологию» венесуэльского лидера Уго Чавеса как левопопулистскую.

Как известно, Уго Чавес пришел к власти в Венесуэле под лозунгом «революционных изменений» [March, 2007]. Выступая перед созданным им Конституционным собранием 5 августа 1999 г., Чавес призвал законодателей внести поправки в Конституцию, в которых бы нашла отражение «боливарианская идеология», якобы не похожая ни на одну мировую политическую идеологию. Он заявил: «Нам не нужен Гоббс с его Левиафаном, с его идеей государства как разрушительной машины, имеющей монополию на применение силы, чтобы угнетать народ, который заслуживает свободы. <...> Мы отвергаем идеи Гоббса, как и отвергаем идею Маркса об отмирании государства. Напротив, государство необходимо. Мы отвергаем идеи неолибералов, которые ищут способы минимизировать роль государства. В противовес неолиберальным догмам боливарианская идеология продвигает идею государства, которое было бы достаточно сильным, достаточно эффективным, достаточно нравственным, достаточно добродетельным для того, чтобы дать импульс для развития республиканизма, народа и нации, гарантировать равенство, справедливость и развитие страны» [Chávez Frías, 2003, p. 282].

По мысли Чавеса, благодаря новой *Carta Magna*, следующей принципам «боливарианской идеологии», страна должна была получить «новый концепт государства, новую архитектуру власти, деконцентрацию власти, истинную представительную, партиципаторную и протагонистическую демократию» [Chávez Frías, 2003, p. 284]. Действительно, Конституция Венесуэлы от 1999 г. признана одной из самых прогрессивных в мире с точки зрения продвижения идеи народного протагонизма (в ней прописаны многочисленные механизмы участия народа в политических процессах – от референдума до вотума недоверия центральной власти) [Salamanca, 2006]. Тем не менее на вопрос, удалось ли Уго Чавесу за время его правления (1999–2013) приблизиться к осуществлению идеала *радикальной демократии*, т.е. политизировать и таким образом раз-

решить все потенциальные конфликты в обществе, большинство политологов ответили бы отрицательно. Как подчеркивают Хит, опирающийся на теорию социальных размежеваний, и Корралес, отталкивающийся от теории рационального выбора, идеологический дискурс и политическая практика Уго Чавеса способствовали крайней политизации вопроса социального неравенства в венесуэльском обществе и последовательному росту классовой борьбы [Heath, 2009; Corrales, 2011]. Другие потенциальные конфликты в частной сфере, похоже, мало заботили венесуэльского лидера. Так, например, экологические протесты против планов центрального правительства по увеличению добычи угля в природной зоне Сьерры Периха – основного источника чистой воды для штата Сулия, расположенного на западе страны, – не имели большого успеха и прошли без вмешательства Уго Чавеса [Torre, 2011]. Как отмечал в 2004 г. венесуэльский эколог Люсби Портийо, с приходом к власти Уго Чавеса экологическое движение в штате Сулия почти полностью потеряло рычаги давления на власть [Nieto, 2004].

Идеологический дискурс Уго Чавеса необходимо рассматривать как катализатор изменений институционального дизайна страны. Чтобы постоянно поддерживать революционный запал в низших классах, Чавес был вынужден чуть ли не ежегодно модифицировать политические институты: он брался за создание одних массовых организаций («бוליварианские круги», «комитеты городских земель»), чтобы через некоторое время начинать создавать другие («миссии», «кооперативы»). Как правило, они были слабо институционализированы и малоэффективны [Ellner, 2011], а главное, не имели автономии от «харизматичного лидера» [Hawkins, 2008], представляя собой инструменты для клиентелизма [Álvarez, García-Guadilla, 2011]. Взяв в 2005 г. курс на строительство «социализма XXI века», Чавес призвал венесуэльцев создать новые массовые организации – коммунальные советы [Machado, 2008, p. 11]. К апрелю 2006 г. закон «О коммунальных советах» был готов и подписан президентом.

Следует отметить, что юридическая фигура коммунальных советов была прописана еще в 2002 г. в законе «О местных советах государственного планирования» [Arenas, 2010, p. 31; Machado, 2008, p. 11]. В соответствии с этим законом, местные советы государственного планирования, возглавляемые мэрами городов, должны были стать надзорными органами, наблюдающими за дея-

тельностью «приходских и коммунальных советов». Однако в то время последние так и не были сформированы. Закон от 2006 г. фактически вывел коммунальные советы из-под контроля со стороны муниципальных органов власти, создав таким образом «параллельные» политические институты. Как подчеркивает Мачадо, коммунальные советы воспринимаются в народе как организации, подотчетные напрямую президенту страны [Machado, 2008, p. 12].

В период с 2006 по 2009 г. в Венесуэле было зарегистрировано около 30 тыс. коммунальных советов [Machado, 2008, p. 48; Ellner, 2011, p. 424]. Большинство из них (54%) представляли собой неоднородные по составу организации [Machado, 2009, p. 60–61] (график). Небольшое количество (2%) зарегистрированных оппозиционерами коммунальных советов подтверждает наш тезис о том, что правительство Чавеса изначально не было заинтересовано в создании организаций неклиентелистского толка.

Источник: [Machado, 2009, p. 60].

График.

Кто состоит в вашем «коммунальном совете»? Только те, кто поддерживает президента Чавеса, или только оппозиционно настроенные граждане, или и те и другие?

С 2006 г. деятельность коммунальных советов финансировалась из Национального фонда коммунальных советов (*SAFONACC*), созданного при Министерстве финансов Венесуэлы. Как правило, из-за бюрократических проволочек деньги в коммунальные банки поступали спустя месяцы ожидания [Zambrano, 2008]. Когда же счет пополнялся, происходило бесконтрольное расходование средств. В докладе Счетной палаты Венесуэлы (*Contraloría General de la República*) от 2008 г. сообщалось, что руководство коммунальных советов «осуществляет расходы без соответствующей документации, а также оплачивает невыполненные работы» [цит. по: Álvarez, García-Guadilla, 2011].

18 декабря 2009 г. закон «О коммунальных советах» был модифицирован с целью улучшения ситуации в сфере контроля за расходованием средств, выделяемых на нужды коммунальных советов. Однако помимо этого в законе появились нововведения идеологического характера. Так, в ст. 2 было указано, что проекты коммунальных советов должны были соответствовать духу «социализма XXI в.» [Álvarez, García-Gaudilla, 2011], что закрепило за правительством Чавеса дискреционные полномочия в отношении этих организаций.

В 2009 г. коммунальным советам было предписано пройти процедуру перерегистрации. В зависимости от классовой структуры коммунальных советов власти решали, сохраняют ли те свой легальный статус. Как заявил в интервью автору данной статьи житель Каракаса Роландо Родригес, лидер коммунального совета «Сан Рафаэль», расположенного в районе Флорида, «поскольку очевидно, что мы не чависты, власти решили нас игнорировать»¹.

Как показывают Альварес и Гарсия-Гаудия, деятельность коммунальных советов, расположенных в «оппозиционных анклавах», как правило, финансировалась исключительно из средств местного бюджета, а присутствие центрального правительства с его финансовыми возможностями было сведено к минимуму. Зато в регионах, возглавляемых ставленниками Чавеса, затраты на коммунальные проекты покрывались из разных источников – из федеральных фондов, регионального и муниципального бюджетов. Таким образом, «оппозиционные» коммунальные советы страдали от «двойной дискриминации»: центральное правительство, во-первых,

¹ Интервью, записанное автором данной статьи в г. Каракасе в ноябре 2011 г.

«урезало» бюджет местной администрации, а во-вторых, отказывалось финансировать проекты коммунальных советов из федеральных фондов [Álvarez, García-Gaudilla, 2011].

Созданные правительством Чавеса механизмы реализации политического участия (коммунальные советы) представляли собой клиентелистские структуры, которые жестко контролировали гражданские инициативы. Как заявила политолог Лопес Майя в интервью венесуэльской газете *El Universal*, «клиентелизм убивает в народе гражданские чувства. Чавес превратил бедняков в своих клиентов» [López Maya, 2012].

Заключение

В политике Венесуэлы первого десятилетия XXI в. обозначилась новая реидеологизаторская тенденция. Эгалитарная риторика президента Чавеса вызвала высокий уровень идеологически обусловленной политической поляризации общества, однако гарантировала венесуэльскому лидеру поддержку люмпенизированных слоев населения. Хотя Эллнер и называет политический проект Чавеса радикальной демократией [Ellner, 2011, p. 421], мы не считаем это определение верным, поскольку, по нашему мнению, венесуэльский лидер стремился разрешить лишь классовые противоречия, оставляя без внимания другие потенциальные конфликты в частной сфере (например, протесты экологов в штате Сулия). Политизация социальных отношений в Венесуэле в период президентства Уго Чавеса привела лишь к росту классовой борьбы, что отнюдь не способствовало развитию плюрализма в обществе. Анализируя механизмы массовой мобилизации, реализуемой по типу «сверху – вниз» (созданные Чавесом в 2006 г. коммунальные советы), мы подтвердили нашу гипотезу о том, что они служили для подавления гражданских инициатив.

Литература

- Хайдеггер М. Бытие и время. – Харьков: «Фолио», 2003. – 503 с.
 Álvarez R., García-Guadilla M.P. Contraloría social y clientelismo: la praxis de los consejos comunales en Venezuela // Politeia. – Caracas: Univ. Central de Venezuela, 2011. – Vol. 34, N 46. – P. 175–207.

- Arenas N.* El gobierno de Hugo Chávez: Democracia, participación y populismo // Venezuela: ¿más democracia o más populismo: Los consejos comunales y las disputas sobre la hegemonía democrática / Ed. por N. Arenas, H. Ochoa Henríquez. – Buenos Aires: Editorial Teseo, 2010. – P. 13–94
- Bell D.* The end of ideology: On the exhaustion of political ideas in the fifties. – Cambridge: Harvard univ. press, 1962. – 501 p.
- Boron A.A.* ¿Posmarxismo? Crisis, recomposición o liquidación del marxismo en la obra de Ernesto Laclau // Tras el búho de Minerva: Mercado contra democracia en el capitalismo de fin de siglo / Ed. Boron A.A. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2000. – P. 46–67.
- Chávez Frías H.* Discursos fundamentales: Ideología y acción política. – Caracas: Foro Bolivariano de Nuestra América, 2003. – Vol. 1. – 510 p.
- López Maya M.* Comunas son verticales. – Caracas, 2012. – 4 de noviembre. – Mode of access: <http://www.talcuadigital.com/Nota/visor.aspx?id=78435&tipo=AVA> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Corrales J.* Why polarize? Advantages and disadvantages of a rational choice analysis of government-opposition relations under Hugo Chávez // The revolution in Venezuela: Social and political change under Chávez / Ed. by Th. Ponniah, J. Eastwood. – Cambridge: Harvard univ. press, 2011. – P. 67–97.
- Torre C. de la.* Los debates sobre democracia y populismo en Venezuela y Ecuador. – 2011. – 15 p. – Mode of access: <http://www.scribd.com/doc/63730580/Los-debates-sobre-democracia-y-populismo-en-Venezuela-y-Ecuador-Carlos-de-la-Torre> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Ellner S.* Venezuela's social-based democratic model: Innovations and limitations // Journal of Latin American studies. – Cambridge, 2011. – N 43. – P. 421–449.
- Hawkins K.* La organización populista: Los Círculos Bolivarianos en Venezuela // El retorno del pueblo: Populismo y nuevas democracias en América Latina / Ed. por C. De la Torre, E. Peruzzotti. – Quito: FLACSO Ecuador: Ministerio de Cultura. – P. 125–160.
- Iranzo C., Richter J.* La relación estado-sindicatos en Venezuela, (1999–2005) // Venezuela visión plural: Una mirada desde el CENDES. – Caracas: CENDES, UCV, 2005. – T. 2. – P. 653–684.
- Laclau E.* La razón populista. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica de Argentina S.A., 2005. – 312 p.
- Laclau E., Mouffe Ch.* Hegemonía y estrategia socialista: Hacia una radicalización de la democracia. – Buenos Aires: Fondo de cultura económica de Argentina S.A., 2010. – 247 p.
- Lipset S.M.* Consensus and conflict: Essays in political sociology. – New Brunswick: Transaction Publishers, 1985. – 375 p.
- Lipset S.M.* Political Man. – L.: Mercury Books, 1960. – 432 p.
- López Maya M.* Poder popular y estado comunal. – 2011. – 12 p. – Mode of access: <http://www.slideshare.net/Gobernabilidad/poder-popular-y-estado-comunal> (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Machado J.* Estudio de los consejos comunales en Venezuela. – Caracas: Fundación Centro Gumilla, 2008. – 56 p.

- Machado J.* Estudio cuantitativo de opinión sobre los consejos comunales. – Caracas: Fundación Centro Gumilla, 2009. – 73 p.
- March L.* From Vanguard of the proletariat to *vox populi*: Left-Populism as a «shadow» of contemporary socialism // *SAIS Review*. – Baltimore, 2007. – Vol. 27, N 1. – P. 63–77.
- Nieto R.* El costo ambiental de la explotación del carbón en Venezuela. – 2004. – 14 de diciembre. – Mode of access: <http://www.voltairenet.org/article123213.html> (Дата посещения: 05.06.2013.)
- Panizza F.* Introducción: El populismo como espejo de la democracia // *El populismo como espejo de la democracia* / Ed. por F. Panizza. – Buenos Aires: Fondo de Cultura Económica, 2009. – P. 9–50.
- Zambrano B.G.* Proyectos de consejos comunales esperan recursos // *El Universal*. – Caracas, 2008. – 28 de enero. – Mode of access: http://noticias.eluniversal.com/2008/01/28/ccs_art_proyectos-de-consejo_690197.shtml (Дата посещения: 12.07.2013.)
- Salamanca L.* La democracia directa en la Constitución venezolana de 1999 // *El sistema político en la constitución bolivariana de Venezuela* / Ed. por R. Viciano Pastor, L. Salamanca. – Valencia: Tirant Lo Blanch, 2006. – P. 99–147.
- Sartori G.* Concept misformation in comparative politics // *The American political science review*. – Denton, TX, 1970. – Vol. 64, N 4. – P. 1033–1053.
- Saussure F.* Course in general linguistics. – Chicago: Open Court Classics, 1983. – 236 p.
- Schmitt C.* The concept of the political. – Chicago: Chicago univ. press, 1996. – 111 p.
- Smilde D.* Participation, politics, and culture: Emerging fragments of Venezuela's Bolivarian democracy // *Venezuela's Bolivarian democracy: Participation, politics, and culture under Chávez* / Ed. by D. Smilde, D. Hellinger. – Durham, NC: Duke univ. press, 2011. – P. 1–27.
- Worsham, L., Olson G.A.* Hegemony and the future of democracy: Ernesto Laclau's political philosophy // *JAC*. – Pocatello, 1999. – Vol. 19, N 1. – P. 1–34.